М.И. Воейков

НАСЛЕДИЕ М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН.

М.И. Туган-Барановский писал еще в 1910 г.: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» [8, с. 56].

М.И. Туган-Барановский (1865–1919)[1] первый российский ученый-экономист, который получил широчайшее признание в европейских странах. Да и в российской экономической мысли Туган-Барановский составляет целую эпоху.

В советское время официальное отношение к нему было настороженное: легальный марксист, идеалист, кантианец, не любил большевиков. В постсоветское время отношение к нему столь же прохладное, но уже по противоположной причине: Туган-Барановский для нового российского официоза «слишком» марксист, социалист и не любит капитализм.

1. Михаил Иванович Туган-Барановский прожил яркую жизнь. В Петербургском университете был сокурсником Александра Ульянова. В апреле 1900 г. в Пскове принимает участие – вместе с В. Ульяновым-Лениным П.Б. Струве, Ю.О. Мартовым, А.Н. Потресовым – в создании газеты «Искра». Член кадетской партии. Видный деятель украинского национального движения, несколько месяцев после Октября 1917 г. был министром финансов (секретарем) Украинской народной республики.

В январе 1919 г. умер в поезде, когда в составе украинской делегации ехал на Версальскую мирную конференцию.

Политическая экономия

Можно утверждать, что именно с Туган-Барановского начинается российская школа политической экономии. Основные положения и выводы политэкономических работ Туган-Барановского сохранили свою ценность до сего дня. Вот, например, как он определяет политическую экономию: «Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в сферу хозяйственных интересов, являющихся, при господствующих условиях общественной жизни, наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличности глубокого и неустранимого антагонизма хозяйственных интересов, характерного для существующего строя хозяйства, выводы политической экономии не могут не вступать в столкновение с хозяйственными интересами тех или иных групп населения» [6, с. 1–2]. Таким образом, политическая экономия изучает то, что связано с определенными экономическими интересами определенных групп, слоев и классов людей.

В сегодняшней России проблемы социального неравенства людей, распределения общественного продукта остаются весьма актуальными. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. На одну из них еще в начале XX в. указал С.Н. Булгаков: «Социальный вопрос – вот главная и даже единственная проблема, определяющая все содержание политической экономии, ее нравственный центр» [1, с. 276]. Вопрос этот был в центре и всех научных исканий Туган-Барановского.

Вот еще одно положение М.И. Туган-Барановского, которое по достоинству можно оценить только сегодня: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины – например, статистика – должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе – социологии» [6, с. 20]. Поразительно, как Туган-Барановский предсказал судьбу политической экономии, то, что сегодня происходит с ней в западных странах.

Что происходит с политической экономией в сегодняшней России – это особая статья. Еще в начале 1920-х годов было отменено преподавание политической экономии, ибо намечался переход к социализму, где, как считал Туган-Барановский, «для этой науки места не будет». Это была общепринятая марксистская позиция, и Туган-Барановский тут не оригинален. Просто

он умел более четко излагать свои мысли. Многие руководящие деятели после Октября 1917 г. искренне верили в скорое пришествие социализма. В начале 1930-х годов политическую экономию, однако, восстановили как научную и учебную дисциплину. В начале 1990-х годов ее опять отменили, несмотря на практически почти официальное признание необходимости перехода к капитализму. Можно понять первых большевиков, они руководствовались теорией, в том числе и Туган-Барановского, но как понимать нынешние российские власти в их борьбе с политической экономией?

Отношение к марксизму

В советское время считали Туган-Барановского легальным марксистом, т.е. как бы «ненастоящим» марксистом. Эта позиция в ряде случаев сохраняется и ныне. Сам Туган-Барановский писал в письме А.А. Кауфману (1902): «В скором времени в “Мире Божьем” появятся мои статьи о Марксе, которые будут знаменовать мой окончательный разрыв с марксизмом. Вы были совершенно правы, уже давно утверждая, что я вовсе не марксист. Мне приходится отказываться от того, что я писал раньше, ибо признание развития в России капиталистической промышленности еще вовсе не марксизм» [8, с. 71]. Но при этом добавлял: «Несколько марксистских лет не будут забыты в истории русской общественной мысли. А… с уходом марксистов литература страшно обесцветилась» [5, с. 73].

Определяя отношение Туган-Барановского к марксизму, надо бы внимательнее разобраться с последним: выделить главные составляющие марксизма, которые и определяют его суть, без которых марксизм не может быть марксизмом. Исследователи и комментаторы ссылаются на различные положения и высказывания Маркса в качестве главных. И это характерно для крупнейших исследователей и пропагандистов марксизма. Например, В.И. Ленин писал в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913): «Главное в учении Маркса, это – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества» [4, т. 23, с. 1]. По сути дела, Ленин полагал, что главное в марксизме – учение о классовой борьбе. М.И. Туган-Барановский отмечал иное: «Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства» [8, с. 244]. И надо сказать, что этот вывод сегодня получает эмпирическое подтверждение в росте монополизации производства в самых индустриально развитых странах.

Но есть другие положения марксизма, которые не подтверждаются экономической практикой. Например, положение об абсолютном обнищании пролетариата, которое уже к концу XIX в. стало очевидно устаревшим. Еще в 1902 г. Туган-Барановский убедительно показал, что это положение

марксизма, несмотря на изощренные попытки К. Каутского защитить его, находится «в самом резком противоречии с фактами». Он пояснял, что социальные воззрения Маркса сложились в 40-е годы XIX в. – в период понижения заработной платы, хронической безработицы, огромного роста бедности и нищеты. Формулируя свое положение об абсолютном обнищании пролетариата, пишет Туган-Барановский, «Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно» [8, с. 242]. Но из этих фактов ни Туган-Барановский, ни любой другой серьезный исследователь не делал выводов о неверности марксизма в целом. Можно утверждать, что Туган-Барановский в своих работах, особенно поздних, создал теоретическую конструкцию, на десятилетия опередившую появление неомарксизма (К. Корш, Г. Лукач) и франкфуртской философской школы. Это имеет прямое отношение к поиску социалистического идеала будущего общества.

Социализм

Наука о социализме уже существует много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений, в ряде которых убедительно доказывается, что социализм не приходит в мир стихийно, он сознательно вырабатывается обществом, т.е. должна существовать специальная наука, которая исследует, а говоря по-современному, «проектирует институты» лучшего устройства общества. Представление о «лучшем обществе» вырабатывается теоретическим знанием.

Можно считать, что социальная наука социализма – это наука о том, что будет, а не о том, что есть. Однако в советский период доминировало представление, что дать априорно характеристику социализма нельзя, его конкретные черты возникают только в процессе развития. В какой-то мере это так. Советские обществоведы придерживались известной ленинской формулы, что нельзя заранее предугадать конкретные формы общественного развития. Но при таком подходе не совсем понятна роль социальной науки, которая призвана не только исследовать и объяснять существующее общество, но и предлагать меры по его улучшению. Основная функция социальной науки – улучшать и совершенствовать объект своего изучения или минимизировать его отрицательные следствия для человечества. Такой нормативный подход был свойственен Туган-Барановскому. Он считал, что при создании будущего общества надо исходить из определенного идеала, и с помощью науки и научных средств искать пути его достижения. Иными словами, социальная наука, кроме позитивистской функции, должна выполнять и нормативную функцию. Почти все серьезные экономические сочинения совет-

ского периода были написаны в нормативном плане, т.е. содержали определенные предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Чисто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными.

Политическая экономия социализма в СССР выполняла несколько функций. Одной из них была функция конструктивная, когда пытались усовершенствовать различные стороны и формы советского общества. При этом многие ученые полагали, что реально существующее в советский период общество можно называть социалистическим только условно, со многими оговорками. Они представляли настоящее социалистическое общество где-то в будущем. Конечно, об этом нельзя было говорить открыто, но намеков в соответствующей литературе было достаточно.

Важная функция политической экономии социализма – это создание общей теории социализма. Такие попытки предпринимали многие исследователи, но результат был ничтожный. Причина в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией. Хорошей иллюстрацией здесь может служить кооперативная теория, разработке которой в свое время немало сил отдал Туган-Барановский.

Кооперативный социализм

Русская интеллигенция еще в досоветский период искала в кооперации и кооперативном движении мощный рычаг экономического развития страны. Не будем забывать, что более 80% населения дореволюционной России были крестьяне и мелкие ремесленники.

Туган-Барановский стал одним из видных теоретиков российской кооперации. В 1909 г. он становится бессменным редактором кооперативного журнала «Вестник кооперации», активно участвует в кооперативных съездах и т.д. Принципы кооперативного социализма для представителей левой интеллигенции, особенно сторонников эсеровской партии, были исходными. Крупнейший советский ученый-аграрий В.Г. Венжер почти всю жизнь развивал и отстаивал теорию кооперативного социализма. В своей последней книге 1990 г., т.е. времен «перестройки и гласности», он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный» [2, с. 87–88]. Можно даже сказать, что автор был теоретическим последователем лидера эсеровской партии Виктора Чернова, хотя не говорил этого открыто.

В. Чернов во многих своих работах отстаивал принцип социализации деревни через кооперацию, полагая, что в деревне социализм может утвердиться только как кооперативный [10]. Венжер принципы кооперации

распространял на все общество, на все предприятия. «Самое главное и самое ответственное, – писал он о горбачёвской перестройке, – это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности. ...Конечная цель перестройки – перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности» [2, с. 91, 93].

Действительно ли лучшее общество – это общество самоуправленческих кооперативов? При всей привлекательности именно такой схемы, отметим, что пока общественная наука четкого ответа дать не может. Есть сторонники кооперативного устройства общества, есть скептики. Напомним слова В.И. Ленина, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [4, т. 45, с. 373]. «В дальнейшем развитии кооперации, – считал А.В. Чаянов, – она будет все в большей и большей мере переводить в русло общественного кооперативного хозяйства различные отрасли крестьянского хозяйства. Эти элементы общественного хозяйства и закладывают в крестьянском хозяйстве основные начала будущей социалистической организации земледелия» [9, с. 9]. Скептически смотрел на это М.И. Туган-Барановский: «Кооперация возникла в непосредственной связи с социалистическим движением, но было бы очень ошибочно смешивать кооперацию с социализмом». И далее: «Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом» [7, с. 62, 67].

Ограниченность кооперативной формы стала вполне очевидной только к концу XX в. А многие социалисты еще раньше искали какие-либо формы общественного производства, альтернативные частнокапиталистическому производству. И кооперация давала в этом смысле некоторые надежды. Для советской практики кооперация была действительно более адекватной формой организации сельскохозяйственного производства. Правда, в советской экономической реальности колхозы только по названию были кооперативами.

Сегодня очевидно: обычный марксистский, точнее, каутскианский, подход, который вполне разделяли В.И. Ленин и другие большевики, что земледелие по мере развития капитализма превращается в фабрику, и экономические и трудовые отношения здесь ничем не будут отличаться от промышленности, не оправдался. Земледелие, видимо, еще долго будет представлять собой особую отрасль производства с особыми хозяйственными и трудовыми отношениями. И единственный путь его развития, а следовательно, социализации его – это кооперация. Но это еще не означает, что таким путем нынешнее общество преобразуется в социалистическое.

Не об этом ли писал М.И. Туган-Барановский в начале XX в.: «Как бы глубоко ни было влияние кооперации на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьянским и отнюдь не стало бы социалистическим, ибо в основе его по-прежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда» [11, с. 294–295]. Получается, что рыночная экономика сама по себе не способствует развитию кооперации, по крайней мере в сельскохозяйственном производстве. По Туган-Барановскому, кооперация это не путь к лучшему обществу.

Итак, лучшее будущее

«Социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт», – писал Туган-Барановский в 1910 г. [8, с. 52]. Действительно, до сего дня большинство российского мыслящего общества склонно если не к социализму, то, по крайней мере, к социальной справедливости и гуманности. А именно это и составляло основные элементы социалистического идеала Туган-Барановского. «Современный социализм, – писал он, – исходит из миросозерцания, поставившего в центре всего человеческую личность» [8, с. 264]. И далее: «Необходимо признать идею равноценности человеческой личности основной этической идеей современного социализма» [8, с. 273]. И еще: «Частная собственность на средства производства несовместима с правом человека на свободу и равенство. Социализм есть, следовательно, требование естественного права, логически связанное с первым и основным прирожденным правом человека на свободу» [8, с. 274].

В книге «Социализм как положительное учение» (1917) Туган-Барановский писал, что «социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне… Итак, первой характерной чертой социализма является то, что социалистическое общество есть общество, в основу которого положены определенный замысел, определенная правовая идея, в противоположность современному обществу, бессознательному комплексу общественного взаимодействия» [8, с. 261]. За эту позицию его в советское время критиковали как идеалиста и кантианца.

Что же происходит сегодня в России, если исходить из общей концепции Туган-Барановского? Рыночные реформы привели к разрушению системы жестко централизованного управления народным хозяйством, которую консерваторы отождествляли с социализмом. Социалистический строй теоретически не совместим с товарным производством, с рыночной экономикой. По этому вопросу в советское время проводилось много дискуссий. Их участники

полагали, что они живут в социалистическом обществе и хотели совместить социализм как нерыночную организацию общества и объективную необходимость товарных, рыночных начал в народном хозяйстве. Но этический идеал Туган-Барановского как основу социалистического общества невозможно совместить с идеологией капитализма (наживы, приобретательства, стяжательства).

Логика развертывания товарного хозяйства, логика рыночной экономики подрывала существование государственных предприятий, содержащихся на бюджетном финансировании. Все предприятия должны были переходить на принципы коммерческого расчета.

Радикальная экономическая реформа 1989 г. содержала в себе внутренние противоречия. В ее основном теоретическом материале «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры» говорилось о многообразии форм общественной собственности, о различных формах социалистической собственности. Указывалось, что «требуется отказ от догмы о несовместимости доходов от собственности с социализмом». Указывалось, что доходы от собственности, т.е. проценты по вкладам, дивиденды и т.п. «поддаются эффективному государственному регулированию», что исключит «неприемлемое увеличение доходов, прямо не связанных с трудом». Как все это совместить – оставалось совершенно неясно. Но почти ни у кого в тот период не было сомнения, что СССР – это социалистическое общество.

Реформаторы 1991 г. открыто продекларировали переход к рыночной экономике. Они пытались изменить экономические и политические основы общества, его социальную структуру и объявили эти изменения революцией.

Начиная с президентства В. Путина можно наблюдать – пока еще в малозначительных масштабах – реставрацию элементов советской системы. Конечно, риторика и форма этой реставрации иная, но по существу происходит возврат прежней системы. Говорить, что с распадом СССР ушла в прошлое его социально-экономическая система, явно преждевременно. Советская экономическая система была сформирована не столько под влиянием идеологии, сколько под давлением объективной экономической необходимости выживания громадной страны с суровым климатом и многочисленным населением, находившимся на различных ступенях общественного развития. Разрушиться эта система сама по себе не может. Она может сменить историческую форму существования, но не свою суть. А суть ее неизменна: смесь буржуазности, остатков феодализма, националистической (вместо социалистической) фразеологии и слабости социального государства. Поэтому миновать стадию буржуазности Россия никак не может. Как указывает Р.С. Гринберг: «Нельзя не заметить парадокс: при кажущемся принципиальном изменении строя после распада СССР последовало изменение формы – но не сути экономиче-

ской атмосферы» [4, с. 63]. Уточним: суть экономической атмосферы – это и есть природа так и не изменившейся экономической системы. Пришло господство, как удачно заметил Г.Г. Водолазов, «перевернувшейся на другой бок номенклатуры» [4, с. 231]. Такова объективная реальность. Система бюрократического управления, приобретшая в эпоху «застоя» зрелые и отчетливые очертания, сменила историческую форму существования и в новом виде стала адекватна для условий современной России. Против нее можно и нужно «бороться» для минимизации отрицательных последствий бюрократизма, но деться от нее – некуда.

Литература

1. Булгаков С.Н. Задачи политической экономии // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 1. От марксизма к идеализму. – М.: Наука, 1999. – 336 с.
2. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. – М.: Наука, 1990. – 110 с.
3. «Застой». Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. – М.: ТЭИС, Культурная революция, 2010. – 440 с.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1–55. – М.: Госполитиздат, 1960–1966.
5. Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л.Д. Широкорад, А.Л. Дмитриев. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 284 с.
6. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. – Петроград. 1915. – 593 с.
7. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 486 с.
8. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сб. социально-философских произведений. – М.: РОССПЭН, 1996. – 528 с.
9. Чаянов А. Краткий курс кооперации. 4-е изд. – М., 1925. – 78 с.
10. Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.